

УДК- 811.161.1.(045)

В. П. Мусиенко, Кьонгок Чу

**ПОЗИЦИЯ ЧИТАТЕЛЯ В КНИГЕ Л. ГУМИЛЕВА
«ГЕОГРАФИЯ ЭТНОСА В ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД»**

*МУСИЄНКО В. П., ЧУ КЬОНГОК ПОЗИЦІЯ ЧИТАЧА У КНИЗІ Л. ГУМИЛЬОВА
«ГЕОГРАФІЯ ЕТНОСУ В ІСТОРИЧНИЙ ПЕРІОД».*

У статті проводиться ідея щодо аргументації Л. Гумильовим своєї концепції шляхом залучення читача на авторську позицію через діалог та розглядаються механізми їх солідаризації мовними засобами першої та другої особи множини, часових форм, дієслів думки, модальних елементів та зверненням до спільного фонду знакових феноменів.

Ключові слова: Л. М. Гумильов, мовна особистість, адресат/читач, діалогічність, аргументація.

*В. П. МУСИЕНКО, КЬОНГОК ЧУ. ПОЗИЦИЯ ЧИТАТЕЛЯ В КНИГЕ Л. ГУМИЛЕВА
«ГЕОГРАФИЯ ЭТНОСА В ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД»*

В статье проводится идея сознательного привлечения Л. Гумилевым читателя на авторскую позицию путем диалога с целью аргументации своей концепции и анализируются способы их солідаризации путем использования форм первого и второго лица множественного числа, временных форм, глаголов мнения, модальных элементов, обращения к общему фонду знаковых феноменов.

Ключевые слова: Л. Н. Гумилев, языковая личность, адресат/читатель, диалогичность, аргументация.

Musienko V. P., Ju Koungok THE READER'S POSITION IN THE BOOK OF L. GUMILEV "GEOGRAPHY OF THE ETHNOS IN THE HISTORICAL PERIOD".

The main idea of the article - the conscious attraction of the reader to the author's position with help of the dialog (the conception of L. Gumilev). The main purpose of this technique is the argumentation of own conception. The author analyses the ways of their solidarisation – usage of the first and second person of the plural form, time forms, verbs, which show the opinion, modal elements and the appellation to the to the general fund iconic phenomena.

Key words: L. Gumilev, linguistic identity, the recipient / reader, dialogue, argumentation.

Поворот современной лингвистики к принципу антропоцентризма обусловил актуализацию проблемы языковой личности. Если в традиционной лингвистике человек говорящий и слушающий был по преимуществу объектом влияния, а именно, лингводидактика была обеспокоена вопросом «как научить?», а стилистика – «как заставить говорить правильно?», то сейчас языковая личность рассматривается как субъект речевой деятельности – в коммуникативной и когнитивной лингвистике, психолингвистике, стилистике [4, с. 17]. Современная лингвистика рассматривает язык писателей, общественных деятелей, ученых как проявление языковой личности [7, с. 39], как инструмент достижения целей речевой коммуникации [3, с. 14]. Такая постановка вопроса требует иного подхода к тексту как речевому произведению – он предстает как дискурс, с необходимостью вовлекая в свое поле читателя. Диалогичность является дискурсивной сущностью языка гуманитарных наук [1, с. 296].

Роль читателя состоит в распределении концепции, воспроизведении той предметной модели, которую предложил автор теории [9, с. 54], но в классических научных текстах позиция читателя обычно не представлена. Позиция Другого в тексте может быть имплицитной, но может проявиться в языковых средствах [9, с. 54], что в значительной степени свойственно Л. Гумилеву. Тексты Л. Гумилева представляют собой не выражение мыслей автора, что привычно для «монологического характера» научного текста, но полноценное общение с читателем, что превращает текст в дискурс.

В лингвистической литературе термин «дискурс» употребляется в разных контекстах и возникает как «размытая категория», плавающая между текстом, контекстом, функциональным стилем и т.п. [6, с. 4-5]. Вместе с тем понятие дискурса может быть рассмотрено в границах двух глобальных подходов, которые имеют общие черты с позиций коммуникативной лингвистики [2]: дискурс как тип коммуникативной деятельности, интерактивное явление, речевой поток, который имеет разные формы проявления (устную, письменную, внутреннюю, паралингвальную); дискурс как «текст, погруженный в жизнь» со всеми соответствующими «формами жизни». Оба они релевантны для рассмотрения гуманитарного научного дискурса Л. Гумилева: первый – с позиции создания, второй – в контексте восприятия.

Лев Николаевич Гумилев (1912 – 1992) – историк, автор оригинальной концепции этногенеза. Влияние его произведений на читающую публику не в последнюю очередь обусловлено его манерой изложения. В этой статье предметом рассмотрения является актуализация позиции читателя в работе Л. Н. Гумилева «География этноса в исторический период».

Исходя из типологии коммуникативных актов по признаку взаимодействия коммуникантов (Т. Баллмер и В. Бренненштуль): экспрессия – сосредоточена на говорящем; апелляция – нацелена на адресата; интеракция – вербальная «борьба» коммуникантов; дискурс – вербальное сотрудничество коммуникантов, – анализируемый текст Л. Гумилева можно определить как апелляцию и дискурс.

По характеру адресатности дискурс Л. Гумилева ретиальный (неточно адресованный), но вместе с тем он ограничен кругом заинтересованных читателей. Примечательно, что в заключении книги автор сам называет читателя собеседником: «Есть еще одна категория, забываемая ими, – читатель; и еще одна эмоция – разочарование. Если мои работы не читают – мне обидно, но виню я только себя: не сумел написать. А когда со мной спорят, даже студенты после лекции, я счастлив. Меня радует, что мои собеседники думают» (248 – 249).

Заполняя «жанровый паспорт» книги Л. Гумилева "География этноса в исторический период" по схеме Т. Шмелевой [11, с. 18], отметим, что по основной коммуникативной цели – это убеждение читателя в правильности предлагаемой концепции, поэтому в ней доминирует позиция читателя, содержание которой взаимодействует с коммуникативным прошлым, а его речевое воплощение имеет явно диалогический характер.

Диалогичность научной речи, по М. Н. Кожинной, – это выражение в тексте (его организации) средствами языка взаимодействия общающихся в коммуникативно-познавательном процессе, понимаемое как соотношение двух или более смысловых позиций: это и учет позиции адресата (читателя), и второго "Я", и возможных оппонентов, а также отражение в речи собеседника диалога [8, с. 138].

Дискурсивная категория диалогичности детерминирована языковой личностью автора и степенью его индивидуальности, жанром текста и соответственно – манерой изложения.

Главенствующую роль в диалоге с читателем играет повествовательная манера Л. Гумилева, сближающая позиции читателя и автора, для чего используются специальные конструкции.

Впечатление личного контакта автора с читателем создается путем употребления личных местоимений и глагольных форм 1-го и 2-го лица множественного числа

Частотным приемом диалогизации текста является форма 1-го лица множественного лица, которая обозначает «я и слушатель/слушатели». Это не привычное авторское «мы». Здесь находит проявление категория П. Рикера «Я-сам как другой», объединяя позиции автора и читателя, включая читателя в акт творчества: это уже не Гумилев говорит, но сам читатель, ср.:

- *Это касается и тех видов Ното, которые **мы**, строго говоря, не вправе считать за людей, а именно: питекантропов и неандертальцев(9);*
- *Когда **мы** сталкиваемся с этой проблемой, кажется, что никакой загадки нет, все очень просто - есть немцы и французы, англичане и итальянцы. Какая разница между ними?(10);*
- *Если к **нам**, допустим, придет английский ученый, **мы** сразу увидим, что это человек иной, чем мы (11);*
- *Переведем эти слова на язык житейского примера(5);*
- *Поставим вопрос так: почему эта проблема нам интересна? (9);*
- *Не будем спорить о термине (10);*

• *Посмотрим, как распределяются эти расы на поверхности земли* (13).

• *Как мы видим, все пассионарные народы в этот период, период пассионарного перегрева, оказались уже не поборниками тех своих положительных идеалов, которые у них были до этого, противниками своих соседей* (105).

Формы 2 лица – это обычное обозначение собеседника. Автор напрямую обращается к читателю:

• *Вы скажете, что это был изменник своего народа, отщепенец, который перешел к французскому королю служить (мог бы и к английскому). Нет, он был бретонец и остался* (107);

• *Вы спросите, почему я упустил пигмеев?* (16)

Эксплицируется также и личная позиция автора, что способствует интимизации дискурса, а следовательно экспликации участников диалога: Я – Вы – Мы. Ср.:

• *Английская армия оказалась сильной еще за счет другой этнической коллизии. Я уже говорил об уэльских кельтах...* (103);

• *Здесь Зердуит (я произношу по по-новоперсидски, по-древнеперсидски будет Заратуштра)...* (114).

Последнее предложение явно демонстративно: известно, что оппоненты часто упрекали Гумилева в незнании древних восточных языков. Попытка реабилитации кажется читателю вполне невинной.

Диалогическая функция проявляется и в морфологической категории **времени**.

Для исторических текстов наиболее естественным является использование форм **прошедшего** времени. Они используются при описании исторических событий. Основная функция форм прошедшего времени – соотнесение действия с моментом или периодом, предшествующим моменту речи. По замечанию В. В. Виноградова, грамматическая сфера прошедшего времени глубоко и резко очерчена в языке. Это сильная категория, поэтому она слабо поддается транспозиции, но имеет различные значения [5, с. 429–448].

Форма прошедшего времени глаголов несовершенного вида обозначает действие, полностью отнесенное к прошлому и не имеющее связи с настоящим [10, т. 1, с. 629]. Хотя действие оторвано от говорящего, но форма несовершенного вида «в живописующей функции» (В. В. Виноградов) как бы переносит автора на некой машине времени в те дальние времена, делая его непосредственным свидетелем событий, снимая временной барьер между читателем и событием. Ср. фрагмент:

• *Те, которые соблюдали старый закон и старые обычаи, назывались фарисеями. Они занимались торговлей, носили длинные волосы, прекрасные расчесанные бороды, золотой обруч на голове, длинные одежды, изучали Тору, читали Библию, соблюдали все посты и обряды и терпеть не могли саддукеев, которые ходили в хитонях, брились или изячно подстригали себе бородки, причесывались по эллинскому образцу, дома говорили по-гречески, имена давали детям такие, как Аристарх или Диомид, но никак не еврейские* (50).

• *Что делал нормальный классический грек римской эпохи, или римлянин, или сириец? Как он проводил свой день? Утром он вставал с головной болью от вчерашней попойки (и богатые, и люди среднего состояния, и даже бедные, потому что они норавли пристроиться к богатым в виде подхалимов, которых тогда называли «клиенты»). Рано утром он пил легкое вино, разведенное водой, закусывал чем-нибудь и, пользуясь утренней прохладой, шел на базар, чтобы узнать новости* (51).

Такие фрагменты в тексте достаточно частоты, они создают для читателя эффект присутствия.

Текст в таких местах приобретает эпические свойства, напоминая художественное полотно. Л. Гумилев вообще любит говорить о прошлом так, как будто он сам присутствовал при исторических событиях. Такие фрагменты в тексте достаточно частоты, они создают и для читателя как участника диалога с автором эффект присутствия.

Фрагменты с формами прошедшего времени глаголов совершенного вида, выражая в тексте последовательные действия [10, т. 1, с. 633] (по поводу которых В. В. Виноградов писал в «Русском языке» [5, с. 444]: в повествовательном стиле движение форм прошедшего времени совершенного вида создает смену вытесняющих друг друга действий и их результатов в хронологической последовательности. Оно толкает – по разным линиям или по прямому направлению – сюжет к развязке, к заключительному финалу направлению – сюжет к развязке, к заключительному финалу»), как бы предназначены для исторического рассказа. В них автор

предстает также в качестве свидетеля, событий, но изложение напоминает рассказ очевидца о своем соседе. Такая манера повествования солидаризирует читателя с автором – они оба свидетели истории, ибо рассказ обладает признаком очевидности. Ср.:

• *В 155 г. племя готов с острова «Скандзы» **выселилось** в низовьях Вислы. Готы довольно быстро **прошли** до берегов Черного моря и **создали** здесь могущественное государство, которое **огрabilo** почти все римские города в бассейне Черного и Эгейского морей, **потерпели** поражение от гуннов, **двинулись** на запад, взяли Рим, **подчинили** себе Испанию, потом **подчинили** себе всю Италию и **открыли** эпоху переселения народов (48).*

Для определения индивидуально-авторского стиля исторического текста особенно показательное использование настоящего времени. Традиционно релевантные для научного стиля формы настоящего вневременного характерны для теоретических рассуждений в дискурсе или констатаций.

Особой формой настоящего времени является настоящее вневременное, постоянное, используемое для обозначения обычных, повторяющихся событий. В гумилевском дискурсе они выполняют функцию привлечения читателя на позицию «свидетеля», что избавляет автора от необходимости аргументировать свою позицию – читатель и сам знает! Ср.:

• *В любые времена **есть** люди, которые ни к чему не **стремятся**, **хотят** только выпить и закусить, поспать где-нибудь на досках за забором и **ставят** это целью своей жизни. В первый период этногенеза они никому не нужны, потому что в системе, которая **ставит** перед собой огромные цели, **стремится** к идеалу, понимая под ним далекий прогноз, - зачем такие люди? На них никакой начальник не **может** положиться. Они **могут** в любой момент предать или просто не выполнить задание. Они не **ценятся**, их не **берегут** (94).*

Обычная форма настоящего времени – настоящее актуальное время, которое обозначает действие, действительно протекающее в **момент речи** [10, т. 1, с. 630], не свойственно для исторического дискурса, но в тексте Л. Гумилева они присутствуют, сопровождая чаще всего инклюзивные формы личного местоимения. Таким образом коммуникация приобретает свойство «здесь и сейчас». Ср.:

• *Естественно, на ординате **мы откладываем** форму энергии, стимулирующую процессы этногенеза .*

*Но перед **нами встает** другая трудность: еще не найдена мера, которой можно было бы определить величину пассионарности. На основании доступного фактического материала **мы можем говорить** только о тенденции к подъему или спаду, о большей или меньшей степени пассионарного напряжения (47).*

При помощи этой формы автор объединяется с читателем, вернее, присоединяет его к авторской позиции, заставляя его таким образом разделить авторскую точку зрения.

Сослагательное наклонение оценивает действие как ирреальное. Реализуясь в трех значениях: условное, желательное и сослагательное [5, с. 474]. Однако, несмотря на расхожее утверждение о том, что история не знает сослагательного наклонения, в историческом дискурсе оно потребляется при обсуждении перспектив и вариантов развития ситуации по модели «если бы...то».

У Л. Гумилева фиксируем употребление таких форм в редком сослагательном значении, особенно применительно к глаголам мнения, рассуждения, является приобщением читателя к сотворчеству:

• *Осуждать их за это **было бы** несправедливо: ведь обыватели 20 века воспринимают мир так же (283);*

• ***Казалось бы**, что компетенция естествознания простирается только на те факты, которые существуют ныне, но не те, которые ушли в прошлое (236):*

• *Ну, а если бы гугеноты отстояли для себя кусок территории и создали там самостоятельное государство, как, скажем, швейцарцы или североамериканцы? Вероятно, их следовало бы **рассматривать** как особый этнос, возникший вследствие зигзага исторической судьбы (109).*

Как видно из примеров, форма сослагательного наклонения предостерегает читателя от ошибочного мнения, ведя его тропой, пролагаемой автором.

Сходную роль выполняют вводные слова и частицы с модальным и эмоциональным значением, указывающие на ход изложения мысли:

• *Что нужно для того, чтобы решить этот вопрос? **Оказывается**, нужно, как ни **странно**, знание истории этнической и обыкновенной (24).*

Первый дискурсивный элемент приобщает читателя к авторскому открытию, а второй прямо указывает на единство позиции автора и читателя: автор и сам удивлен, что можно выбрать такой метод.

Ср. еще:

• *Тогда что же считать «событием» применительно к этнической истории? **На первый взгляд**, вопрос не заслуживает ответа* (24).

Автор и сам понимает банальность и бессмысленность вопроса (*Обывателю все ясно и без оптики*), ибо он и сам обыватель (**На первый взгляд**), но здесь он выступает как ученый, а потому требует этого и от читателя: (*Но поскольку мы вводим понятие «событие» в научный оборот, то следует дать дефиницию, т.е. условиться о значении термина*) (24). Это приобщения читателя видно и по разъяснению слова дефиниция.

См. еще:

• *И тут мы вспомним то, о чем говорили ранее. Каждый живой организм обладает энергетическим полем, теперь мы уже можем сопоставить его с описанием особенностей этноса и, следовательно, **назвать этническим полем**, создаваемым биохимической энергией живого вещества* (43).

Действенным способом солидаризации автора и читателя является обращение к знаковым явлениям, личностям, фактам – т. е. общему культурному фону, например:

• *При равенстве величин – идеально гармоническая личность, что-то вроде **Андрея Болконского*** (41);

• *Но есть еще и субпассионариш... Для иллюстрации опять-таки приведу литературные образы, всем хорошо известные, – **это гарои Чехова*** (41);

• *Носитель такой пассионарности готов пропить последний рубль, ибо его тянет к алкоголю, и он забывает обо всем. Таковы босьяки **из ранних рассказов М. Горького*** (41).

• *Нас не удивляет и не шокирует, что в середине VIII в. в Италии вокруг Ромула собрались **500 бродяг**, положивших начало римлянам; (потому что нам известны примеры из более близкой для нас истории:) так же собрались **«верные»** вокруг царя Давида в XI веке до н.э., а люди **«длинной воли»** – вокруг Чингисхана, **бароны** – вокруг Карла Великого... Из этих и подобных консорций постепенно выростали сначала субэтносы, потом этносы, и, наконец, суперэтносы... Так римские граждане объединили Средиземноморье в **Рах Романа (Римский мир)**; франки стали ядром **«Христианского мира» (католического)**; евреи распространились по всей Ойкумене, выделив несколько этносов: **сефардов, ашкенази, фаллашей**; монголы создали оригинальный **«Кочевой мир»**. Эти целостности так же реальны, как и этносы, наблюдаемые непосредственно* (34).

Гумилев также использует речевые формулы определенных исторических, культурных эпох, знакомые русскому читателю: *Так воскликнул Мартин Лютер: «Я здесь стою и не могу иначе!»*), *Галилей пробормотал: «А все-таки она вертится»*), *Мансур ал-Халадж заорал: «Я – истина!»*), и, наконец, *В. И. Вернадский написал в своей тетради слова: «... химическая энергия живого вещества биосферы»* (251). По крайней мере, два высказывания известны каждому школьнику.

Таким образом, объединение позиций автора и читателя идет по нескольким направлениям: привлечение читателя к авторскому мнению путем использования местоимения **мы** с инклюзивным значением лица множественного числа применительно к глаголам мысли и восприятия; приближения читателя к историческим событиям, относительно которых автор проявляет себя как свидетель – при помощи форм прошедшего времени несовершенного вида «в живописующей функции», форм прошедшего времени совершенного вида, которые создают хронологическую последовательность событий, настоящего вневременного, сослагательного наклонения как способа предостережения от ошибочного вывода, сближение с читателем на одном культурном пространстве, включение его в процесс размышления посредством дискурсивных элементов.

Присоединение читателя к авторской позиции заставляет его таким образом разделить авторскую точку зрения, работая на коммуникативную цель дискурса.

Л. Гумилев неоднократно – и во введении, и в заключении, пишет о том, как важна для него позиция читателя:

«Чтобы написать такой труд, надо освоить предмет и почувствовать тему, а чтобы сделать его доступным для читателя, надо вскрыть себе вену и каждую строку написать своей кровью, разумеется, фигурально. Иначе автор рискует быть единственным читателем своей

книги. И чем больше «крови» перелить в печатные строки, тем больше читатель любит книгу, а иногда даже благодарит ее автору» (249 – 250).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 281-307.
2. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики: Підручник / Ф. С. Бацевич – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с. (Альма матер).
3. Богин Г. И. Концепция языковой личности / Г. И. Богин: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1982. – 31 с.
4. Вартапетова С. С. Язык научной речи / С. С. Вартапетова // Русский язык в школе. – 1998. – №6. – С. 65–74.
5. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 719 с.
6. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике / В. В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 4-5.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. /Издание 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
8. Кожина М. Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста / М. Н. Кожина // Очерки научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. – Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). – Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. – Пермь, 1998.
9. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *другого* в дискурсе // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Ж. Отье-Ревю. – М.: Прогресс, 1999. – С. 54–94.
10. Русская грамматика. Т 1. – М.: Наука, 1980. 784 с.; Т. 2. – М.: Наука, 1982. – 710 с.
11. Шмелева Т. В. Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1995. – № 1–2. – С. 8–14.

ИСТОЧНИК

Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Л.: Наука, 1990. – 289 с.